

ПУШКИН — ЧИТАТЕЛЬ ТРИГОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Т. МАЛЬЦЕВА,

зав. библиотекой Пушкинского заповедника

Никакой исследователь жизни и творчества Пушкина не может пройти мимо вопроса о том, что же читал Пушкин и как чтение определенных книг отразилось в его творчестве. Вот почему понятно то внимание, которое уделялось изучению состава его библиотеки. Каталог ее был составлен Б. Л. Модзалевским в 1910 году. В этот каталог входят, как известно, книги, сохранившиеся после смерти поэта. А что читал Пушкин в Михайловском? Об этом, к сожалению, мы можем судить только по ряду косвенных данных. Сам Пушкин говорил, что прочитал в Михайловском «12 телег книг». Это подтверждает в своем письме Пушкину и Арина Родионовна. Очевидно, какая-то часть этих книг внесена в каталог Б. Л. Модзалевского. Но зато было много и других книг, когда-то перешедших в другие руки и утерянных для нас. Мы не знаем, как набралось в Михайловском такое значительное число книг. Ведь с юга Пушкин не мог привезти большого количества литературы. И хотя книги ему, конечно, присылались нередко («Книг — ради бога книг!» — просит он брата),¹ но за два года вряд ли можно было набрать их «12 телег». Может быть, в Михайловском находилась часть библиотеки Сергея Львовича? Но почему тогда Пушкин считал эти книги своими? Все это должно быть выяснено при дальнейшем исследовании. В настоящее время мы остановимся на вопросе о том, что же читал Пушкин, кроме тех книг, которые были у него в домашней библиотеке.

Есть ряд свидетельств о том, как широко Пушкин пользовался библиотекой своих тригорских друзей. Е. И. Фон категорически заявляет: «И книг у него своих в Михайловском почти

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 13, стр. 120.

не было, больше всего читал он у нас в Тригорском, в библиотеке нашего дедушки по матери, Вындомского».²

Конечно, поскольку нам известно о большой собственной библиотеке Пушкина, это заявление следует считать справедливым лишь в отношении к позднейшим поездкам Пушкина в Михайловское, после окончания ссылки, когда его библиотека была вывезена. В 1835 году Пушкин писал жене из Михайловского: «вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах, да орехи грызу».³ Несомненно, и во время ссылки Пушкин брал в Тригорском те книги, которых у него не было дома. Вряд ли у Пушкина был какой-то третий источник получения книг на месте.

Всего в каталогах библиотеки Пушкина и тригорской библиотеки имеется 27 одинаковых книг, причем из этого количества 16 книг разных лет и мест издания. И у Пушкина и у тригорских обитателей были книги наиболее выдающихся русских писателей 18-го века — Сумарокова, Княжнина, Хераскова, Ломоносова, Державина и др., а также произведения Байрона, Шекспира, Шиллера, Гете. Но таких книг было всего 27. Вот почему ответить на вопрос, что же читал Пушкин в Михайловском, нельзя, не изучив вместе с составом библиотеки Пушкина также и состав тригорской библиотеки.

Впервые о тригорской библиотеке рассказал в 1866 году М. Семевский в своей известной статье «Прогулка в Тригорское».⁴ Он, как известно, обратил внимание на пять больших шкафов, где хранилось много редких книг, в основном 18-го века, в том числе ряд новинок изданий: «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова, альманахи «Северные цветы», издаваемые А. Дельвигом, первые издания отдельных глав «Евгения Онегина» и т. д. В то же время Семевский подчеркнул, что в библиотеке совсем нет новых книг.

После смерти А. Н. Вульфа в 1881 году составлена посмертная опись его имущества. (Она хранится в рукописном отделе ИРЛИ). Среди разных вещей в опись включена и библиотека, но она описана поверхностно и далеко не полностью (частично суммарно, частично указаны отдельные книги, но без соблюдения общепринятой формы описания). Позже библиотека оставалась в Тригорском. В 1902 году Б. Л. Модзалевский был специально командирован Пушкинским комитетом в Тригорское для исследования этой библиотеки. К этому времени в ее составе произошли некоторые изменения. Б. Л. Модзалевский не на-

² В. П. Островский, Пушкинский уголок, М, 1899, стр. 114.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949. т. 16, стр. 52.

⁴ Санктпетербургские ведомости, 1886, № 139, и след.

шел в ней «... ни «Деяний Петра Великого», ни комплекта «Северных цветов», ни «Евгения Онегина»...»⁵

Б. Л. Модзалевский составил каталог, где числится 344 номера (нередко под одним названием указаны издания многотомные; некоторые книги описаны суммарно, например: «несколько словарей» и пр.) Исследователь не придерживается алфавитного порядка. Каталог он делит на следующие части: 1) Изящная литература, 2) Руководства, детские книги и учебники, 3) История и вспомогательные науки, 4) Естественные науки, медицина и география; 5) Богословие, философия, политика, 6) Смесь.

В эту опись не входит 21 книга из описи 1881 года, очевидно, утраченные за это время и еще 88 названий, в основном, издания послепушкинского времени, не интересовавшие Модзалевского. В архиве Шляпкина, хранящемся ныне в рукописном отделе ИРЛИ, есть запись Лебедева о том, что в 1910 году видел в Тригорском около 1000 книг («Хотя Модзалевский увез многое») в пяти больших шкафах черного дерева. «Не здесь ли вдохновлялся Пушкин» — задает он вопрос.⁶ Наконец, в 1913 году тригорская библиотека была передана ее владельцами, наследниками Е. Н. Вревской, Пушкинскому Дому и привезена в Петербург М. Л. Гофманом. В настоящее время книги из тригорской библиотеки находятся в составе библиотеки ИРЛИ.

Итак, можно считать, что во время Пушкина в Тригорском была библиотека более чем из 1000 книг. (Учитывая, что часть книг была утрачена и сравнительно немного было приобретено в послепушкинское время). Она не могла не привлечь к себе внимания Пушкина при первом же знакомстве его с Тригорским и его обитателями.

Что же представляла собой Тригорская библиотека? Конечно, ее состав был обусловлен духовными интересами ее собирателей и владельцев. Основателем библиотеки являлся отец П. А. Осиповой, А. М. Вындомский, человек по тем временам культурный, с широкими интересами, не чуждый даже занятий стихотворством. В журнале «Беседующий гражданин» за 1789 год (часть II, стр. 22) помещено его стихотворение «Молитва грешника кающегося»; в альбоме П. А. Осиповой в 1810 году он вписал также один свой сонет. Можно считать, что он собрал более двух третей всего состава библиотеки. Им приобретались книги изданий второй половины 18 века, в большинстве своем на французском, немецком и итальянском языках. Это были сентиментальные романы (произведения Ричардсона, Руссо и др.), которыми так зачитывалась тогда Европа,

⁵ Б. Л. Модзалевский, Поездка в Тригорское, «Пушкин и его современники», вып. I, Спб, 1903, стр. 11.

⁶ ИРЛИ, р. о., ф. 244, оп. 30, № 2.

«путешествия», трагедии, комедии, либретто опер. множество альманахов и т. д. Но кроме этой, такой обычной по отбору в то время литературы, Вындомский собрал также значительное число книг по истории, философии, политике, а также ряд книг по естествознанию (география, ботаника и т. п.). Несколько книг о Китае, о Конфуции и даже китайский букварь говорят об интересе Вындомского к этой далекой и такой неведомой в то время стране.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в библиотеке Вындомского книг французских просветителей. Из произведений Вольтера имеются только его труды о Петре Великом и о Фридрихе II. Кроме того, имелись еще и произведения Мармонтеля. Последний был близок к французским просветителям, но бежал из Франции после победы якобинцев. В своих воспоминаниях он иронизировал над былыми соучастниками политических салонов; в своем романе «Велисарий» он много рассуждает о правах верховной власти, о законах, о положении народа. И не случайно, в черновиках 5-й строфы 1-й главы «Евгения Онегина» Пушкин пишет о том, что Онегин пускался в мужественный спор «о Мирабо, о Мармонтеле». При Вындомском не было еще в библиотеке религиозной литературы. Она появилась там позднее. Были в библиотеке и рукописи. Среди бумаг А. Н. Вульфа в архиве ИРЛИ находится рукописная «Святогорская повесть о Чудесном явлении Богородицы на Синичьей Горе», в списке конца 18 века. Возможно, ее видел и читал Пушкин.

Для дочерей Вындомский покупал много учебников, детских книг и морально-назидательных сочинений на русском и иностранном языках. Характерно, что даже учебник русской истории был переведен с французского языка.

Как во всякой порядочной поместной библиотеке того времени, в Тригорском было много однотомных энциклопедий, словарей, письмовников, хозяйственных руководств и домашних лечебников. Кстати, сам А. М. Вындомский, организатор полотняной фабрики и винокуренного завода, был автором брошюры «Записка, каким образом сделать из простого горячего вина самую лучшую французскую водку». Она выдержала два издания. (СПБ, 1800 и СПБ, 1903).

Во времена Пушкина П. А. Осипова и ее дети продолжают пополнять библиотеку, однако, как видно, это делалось в значительно меньшем размере и крайне бессистемно. Приобретаются книги изданий первой трети 19 века, в основном, художественная литература: в частности, и произведения Байрона, Шиллера, Гете, Шекспира. Покупались, конечно, и старые книги 18 века, детские книги и учебники. Поскольку Осиповы-Вульф жили в деревне и свои покупки делали от случая к случаю, то им часто приходилось, наверное, довольствоваться тем, что предлагал

им какой-нибудь «кочующий купец». Этим можно отчасти объяснить тот труднообъяснимый факт, что в библиотеке отсутствуют произведения Державина, Жуковского, Крылова, Карамзина, Батюшкова, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя и других выдающихся писателей. Такие книги все же были в Тригорском, но вероятно, в небольшом количестве. Евпраксия Николаевна, которая среди тригорских обитательниц проявляла наибольший интерес к литературе, выйдя замуж, несомненно увезла с собой в Голубово свои любимые книги. Ведь забрала же она туда особенно ценные реликвии, связанные с А. С. Пушкиным: портреты Вайрона и Шиллера, принадлежавшие ранее Пушкину, издания «Евгения Онегина» с автографами Пушкина и некоторые его письма. К сожалению, библиотека Голубова до нас не дошла. Модзалевский не смог ее осмотреть, так как она помещалась в комнате, где лежала больная. Однако есть сведения, что голубовская библиотека была большой и разнообразной. Подобно Е. Н. Вревской, возможно и другие обитатели Тригорского, покидая родное гнездо, увозили оттуда немало книг.

Нужно также иметь в виду, что книги наиболее популярных современных писателей чаще читались тригорскими обитателями. Эти книги, надо думать, забирались ими с собой в различные путешествия и прогулки, порой хранились ими в своих личных комнатах, порой и под подушкой; чаще их давали читать знакомым и соседям. Они, во всяком случае, редко стояли спокойно в шкафах, не то что старые и устаревшие книги 18-го века. Поэтому вполне понятно, что эти более читаемые книги гораздо быстрее терялись, изнашивались, приходили в негодность. Возможно, поэтому они до нас и не дошли.

Во времена Пушкина занимают свое место в шкафах библиотеки книги знакомых с Осиповыми-Вульф писателей (иногда с их автографами). К последним относятся «Эда» и «Пир» Е. А. Баратынского, альманах «Северные цветы» А. А. Дельвига, произведения П. А. Вяземского и Н. М. Языкова. И конечно, в библиотеке появляются произведения Пушкина — ценнейшие ее сокровища.

В 1826 году Пушкин подарил Анне Николаевне Вульф свою книгу «Стихотворения Александра Пушкина» (СПБ, 1826). На внутренней стороне ее обложки поэт сделал дарственную надпись, впоследствии кем-то зачеркнутую: «Дорогой имениннице Анне Николаевне Вульф от всенижайшего ее доброжелателя А. Пушкина. В селе Воронич 1826 года 3 февраля из села Зуева». В правом верхнем углу обложки этой книги имеется отгиск пушкинского «талисмана» на прозрачном сургуче. Находились также в библиотеке Тригорского упоминавшиеся Семевским три книги первых изданий отдельных глав «Евгения Онегина», подаренные Пушкиным А. Н. Вульф, Е. Н. Вульф и П. А. Осиповой, — все с дарственными надписями поэта.

В 1836 году Пушкин посылал П. А. Осиповой тома своего «Современника». В своем письме Пушкину от 7 сентября 1836 года П. А. Осипова благодарит Пушкина за присылку ей второй книги «Современника», а в письме от 15 декабря 1836 года она пишет: «... и совсем недавно я имела удовольствие получить третью книгу «Современника». Она доставила мне двойное удовольствие: и как доказательство вашей памяти обо мне, и своими прекрасными стихами».⁷ К несчастью, эти книги исчезли.

После смерти Пушкина тригорская библиотека почти не пополнялась. П. А. Осипова приобрела ряд книг религиозного содержания; несколько книг приобрел А. Н. Вульф. Интересно, что он, ставший обычным крепостником, приобретает нелегальное лейпцигское издание книги по крестьянскому вопросу и два тома произведений Некрасова. Это было, надо полагать, около 1861 года. Характерно, что в библиотеке совершенно отсутствует прогрессивная литература II-й половины 19 века. Нет произведений Толстого, Тургенева, Гончарова. Островского, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, не говоря уж о Чернышевском и Добролюбова. Скорее всего, их в Тригорском вообще не бывало.

Если судить по тем книгам тригорской библиотеки, которые дошли до нас, можно предполагать, что даже в отношении к 1820—1830 годам, интерес Осиповых-Вульф к современной литературе преувеличивался некоторыми исследователями; их вводило в заблуждение наличие у друзей Пушкина большой библиотеки, а также сообщения об их дружеских связях со многими писателями. Дело в том, что библиотека уже тогда состояла на $\frac{3}{4}$ из старых книг прошлого века, которые уже редко кто читал из просвещенных людей. В провинции же, особенно для девушек, они еще были чуть не главной духовной пищей. Тригорские обитательницы не являлись в этом смысле серьезным исключением. В 1829 году в «Романе в письмах», скорее всего на основе тригорских впечатлений, Пушкин рассказывает, как его героиня нашла в деревне у знакомых целый шкаф, наполненный старинными романами. «Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочитать хваленую «Клариссу», — пишет Лиза, «... Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек».⁸ В этой связи, хочется напомнить цитированное Н. Бродским письмо некоего В. Дмитриева, который, рекомендуя молодым людям читать Стерна и Сервантеса, утверждает: «Мой

⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 16, стр. 199.

⁸ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 8, кн. 1, стр. 47.

Виктор после такого чтения считает стыдом взять в руки слезливый роман Лафонтена, неестественные характеры Коттень».⁹

Тригорская библиотека — это помещицья библиотека, и она должна была заинтересовать Пушкина как один из элементов провинциального помещицкого быта. Если жизнь и быт Тригорского давали Пушкину богатый материал для воссоздания провинциальной помещицкой жизни в «деревенских» главах «Евгения Онегина», в поэме «Граф Нулин», а позднее — в «Повестях Белкина», в «Истории села Горюхина» и пр., то тригорская библиотека помогла Пушкину ярче представить себе духовный мир своих героев и героинь: она, с ее старыми чувствительными романами, бесконечными альманахами, календарями, месяцесловами и т. п., бессистемно собранными, помогала Пушкину воссоздать образ Наталии Павловны с классическим, старинным отменно длинным романом в руках, и читательские увлечения Марии Гавриловны из «Метели», Татьяны Лариной и многое другое.

В 1824 году Пушкин перечитывает роман Ричардсона «Кларисса Гарлоу». В ноябре 1824 года он пишет брату: «Читаю Клариссу. Мочи нет, какая скучная дура».¹⁰ В тригорской библиотеке сохранился том этого романа с пушкинским рисунком, нарисованным пером, женским поясным портретом с шалью на плечах. Это единственная книга, которая несет на себе доказательство того, что она была в руках у Пушкина.

Беспорядочность, с которой пополнялась тригорская библиотека, не могла быть не замечена Пушкиным. Возможно, этим навеяна сценка покупки Татьяной Мартына Задеки:

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к нам в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной «Мальвиной»
Он уступил за три с полтиной,
В придачу взяв еще за них
Собрание басен площадных,
Грамматику, две Петриады,
Да Мармонтеля третий том.¹¹

Хотя сейчас в составе тригорской библиотеки и нет знаменитого «главы халдейских мудрецов», его «глубокое творенье», конечно,

⁹ Н. Бродский, «Евгений Онегин» роман Пушкина, М, Учпедгиз, 1957, стр. 245.

¹⁰ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 13, стр. 123.

¹¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 6, стр. 107.

было у тригорских обитательниц, и его листал Пушкин. То же нужно заметить и о всяких письмовниках.

Безусловно, заглядывал поэт в многочисленные руководства и наставления для девушек и юношей по вопросам морали и этикета, написанные большей частью в форме диалогов воспитателей со своими питомцами. Особенно модными были назидательные сочинения *le prince de Voeumont*, которых в Тригорском насчитывалось целых десятков томов на французском и русском языках. Вот еще название одной из подобных книг, переведенной с немецкого: «Свойство совершенной женщины, изображенной в разумных правилах, предписанных герцогинею К. под именем Аристы, принцессе Селимене для соблюдения ее чести и доброй славы». (СПБ, 1764). Такие книги помогали Пушкину глубже представить себе, как воспитывались его героини.

На значение Тригорской библиотеки в этом плане указал еще в 1901 году беллетрист И. Л. Щеглов-Леонтьев, посетивший тогда Тригорское. В газете «Новое время» он писал: «Сентиментальные французские романы и энциклопедические словари, домашние лечебники и исторические книги, старинные журналы и альманахи — все это терпеливо ждет специальной описи, которая явится, вероятно, ценным комментарием для исследователя «Евгения Онегина» и его времени».¹²

Однако, конечно, этим не ограничивается значение тригорской библиотеки для Пушкина. Хотя он в ней не находил современной литературы, но много интересных для него старых книг он читал и перечитывал там. Зная исключительную разносторонность и широту интересов Пушкина, нелегко решить, какие же именно книги он брал из Тригорского. Но учитывая круг проблем, занимавших Пушкина в Михайловском, можно предполагать, а иногда и уверенно судить, какие же из книг тригорской библиотеки бывали у него в руках, а это, в свою очередь, дает возможность более точно определить его читательские интересы.

В Михайловском Пушкин впервые и на долгое время сталкивается вплотную с крепостной деревней и помещичьим бытом, и его не могли не заинтересовать многочисленные хозяйственные руководства, а также переведенная с французского языка книга «Добрый помещик или друг земледельца». Конечно, само название говорит, что это за книга, но поскольку в ней, пусть и с реакционных позиций, разбирался важный для Пушкина вопрос, она не могла не привлечь его внимания.

Пушкин, работавший тогда над «Борисом Годуновым», не мог пройти мимо таких книг, как сочинение Мозера «Государь и министр», «Политическое завещание» Ришелье, «Антимакиа-

¹² И. Л. Щеглов-Леонтьев, О Пушкинском уголке и Тригорской библиотеке, «Новое время», 1901, № 9220.

вель» Фридриха II, «Наказ» и указы Екатерины II, «Придворный человек» Балтазара Грациана, а также многочисленные труды по древней, средней и новой истории.

Уже в это время Пушкина интересует эпоха Петра I. Тригорские обитатели говорили Семевскому, что Пушкин, именно по их экземпляру, впервые познакомился с трудом Голикова «Деяния Петра Великого». В этой связи поэта привлекала книга на итальянском языке аббата Катифоро «Жизнь Петра Великого». На нее он впоследствии неоднократно ссылается в своем незавершенном труде о Петре I.

Должны были интересовать Пушкина описания путешествий в различные далекие страны, например, такие как Китай, Япония, Монголия, Мексика и пр., с описанием их природы, законов и обычаев. И не случайно в библиотеке у Пушкина появляется такой же, как имевшийся в Тригорском, китайский букварь, изданный Василием Леонтьевым. Может быть, это было связано с предполагавшейся поездкой Пушкина в Китай в 1830 году.

Не мог не обрадоваться Пушкин, увидев в библиотеке Тригорского и своих давнишних знакомцев, книги, которые он хорошо знал раньше. Многие из них он перечитывает и неоднократно упоминает их авторов в своих произведениях и письмах. Многих из тех книг, на которые ссылается Пушкин, нет в каталоге его библиотеки. Можно предполагать, что некоторые из этих книг, особенно в тех случаях, когда требовался новый их просмотр, Пушкин брал в Тригорском. Сюда относятся книги Корнеля, Расина, Мольера, Тассо, Лессинга, Шекспира, Байрона (произведения двух последних в библиотеке Пушкина представлены в экземплярах, вышедших из печати уже после ссылки поэта), а затем книги Гете, Шиллера, Ламартина, Юнга и «шотландского чародея» Вальтера Скотта. В 1835 году в письмах к жене из Михайловского от 21 и 25 сентября Пушкин писал, что перечитывает романы Вальтера Скотта, от которых в восхищении, и что брал он их у Вревских в Голубове. Не были ли эти издания привезены туда из Тригорского? Скажем еще о других, менее известных писателях. Тригорские обитатели много читали произведения английского поэта, биографа Байрона, Томаса Мура. В 1829 году Пушкин пишет А. Н. Вульффу: «В Малинниках я застал одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром».¹³ В целом к Муру Пушкин относился критически. Еще из Кишинева он писал о нем Вяземскому как о «... чопорном подражателе безобразного восточного воображения»,¹⁴ и называл его повести уродливыми. Но это не исключало интереса

¹³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 14, стр. 49.

¹⁴ Там же, т. 13, стр. 34.

к отдельным частностям. Так, знаменитое выражение «гений чистой красоты» встречается в переведенном Жуковским отрывке из поэмы Мура «Лалла Рук»:

«Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты.
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...
Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам,
И приносит откровенья
Благотворные сердцам...»¹⁵

Позже, в беловом варианте восьмой главы «Евгения Онегина», Пушкин говорит:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла-Рук...¹⁶

Цитирует он эту поэму Мура по-английски и в «Путешествии в Арзрум».

Очевидно, в Тригорском просматривал Пушкин и произведения французского трагика Кребильона. В письме к Кюхельбекеру от 1—6 декабря 1825 года Пушкин иронически цитирует из трагедии Кребильона «Атрей и Фиест»: *гесoppais tu le sang?* («Узнаешь лы ты кровь?»).¹⁷ Видно, не раз тогда держал Пушкин в руках томик стихов известного в свое время французского поэта Делиля, которого Пушкин позже, в черновике поэмы «Домик в Коломне», называет «парнасским муравьем». В 1824 году Пушкин пишет брату: «пришли мне (говоря по Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную (пробку) главу бутылки — т. е. штопор».¹⁸ Так иронизирует Пушкин над витиеватым стилем Делиля. Еще более резко относится Пушкин к «глупым, жеманным» драмам Дората, к произведениям Флориана, Мармонтеля, Жанлис и многих других писателей, произведения которых тоже находились в Тригорском. Позже, в 1834 году, в плане статьи «О ничтожестве литературы русской» Пушкин пишет: «Вольтер и великаны не имеют ни одного последователя в России, но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-де Жан-

¹⁵ В. А. Жуковский, Полное собрание сочинений, П., 1918, т. I, стр. 294.

¹⁶ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., в 10 т. АН СССР, М, 1949, т. 5, стр. 553.

¹⁷ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., АН СССР, М, 1937—1949, т. 13, стр. 247.

¹⁸ Там же, т. 13, стр. 130.

лис, овладевают русской словесностью».¹⁹ С другой стороны, Пушкин с удовольствием читал стихи и песни Колле, о «предесных шалостях» которого писал он позже, ²⁰ произведения Карра. О последних поэт доброжелательно отзывается в 1832 году в письме к Хитрово: «В его романах чувствуется талант, и он стоит вычурности вашего Бальзака».²¹ В 1836 году он приобретает произведения Карра у книгопродавца Ф. М. Беллизара.

Читал поэт и переводную литературу. Может быть, именно многотомное издание римской истории Роллена в переводе Тредьяковского, принадлежащее тригорским обитателям, вспоминал Пушкин, когда в 1829 году он писал в эпиграмме на Каченовского:

Там где древний Кочерговский
Над Ролленом опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил...²²

Нечего и говорить, что Пушкин читал и перечитывал в библиотеке друзей и произведения русских писателей.

Из всего вышеизложенного ясно, что тригорская библиотека играла заметную роль в удовлетворении любознательности михайловского отшельника, она же помогала ему познать духовные интересы и характеры деревенских читателей, и все это частицей вошло в сплав творчества великого поэта. Вот почему при восстановлении дома Осиповых-Вульф в Тригорском будет экспонироваться и библиотека. Для этой цели сотрудники Заповедника стремятся разыскать как можно больше книг тех авторов и тех изданий, которые имелись когда-то в Тригорском.

¹⁹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, М, 1937—1949, т. 11, стр. 495—496.

²⁰ Там же, т. 12, стр. 55.

²¹ Там же, т. 15, стр. 38.

²² Там же, т. 3, стр. 110.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ
1962